

# КРЫГОБОРОТ



## ВОЗВРАЩЕНИЕ

Приятно в удобном вагоне  
Вернуться домой из Перми,  
Где барствуют воры в законе  
И мало кто знает Парни.  
Приятно уже на перроне,  
Вобрав европейский простор,  
Подобный – pernod, perregoni  
И сюрному сыру рокфор,  
Решить, что в скитаниях мера  
Печали земной – например,  
Тоски в «Одиссее» Гомера...  
В Перми ведь известен Гомер?!  
Приятно на Невском проспекте,  
Теряясь в прорехах витрин,  
Узреть в сокращённом конспекте  
То, что исповедовал Грин:  
Романтику странствий и моря –  
Незамысловатую взвесь.  
И, с радостью Невскому вторя,  
Приятно быть именно здесь.

## МОСТ

Посети меня в городе, где Эрмитаж и Пассаж,  
Где мираж витражей неприметен средь косности зданий,  
Где над тусклой волной мой изогнутый мост, как палаш,  
При разводе дрожит, исполняя немыслимый танец –  
То не с саблями танец, а шестерней масляный вальс;  
Так коса, налетевши на камень, неминуемо пустится в пляс.  
Посети меня в городе, но до развода мостов,  
До прихода зимы, до восхода Луны, до – прощайте,  
Мы по площади плоской взойдём над просящей пощады  
Очумелой рекой в ровных стенках гранитных листов,  
Облетевших со скал и обточенных так, чтобы кряду,  
Чтобы, глядя на них, не сказалось ругательных слов.  
Посети меня в городе, мы будем жить на мосту  
Полчаса, а потом разойдёмся и скоро  
Эту воду в объятьях сожмёт непокорный,  
Незадачливый лёд, но мой мост, как всегда, на посту,  
На чугунных перилах мерцает застывшее слово,  
Не иначе, как просьба, с простудных слетевшая уст.  
Посети меня в год удивлений, и в доме, пожалуй,  
Зеркала в день осенний откроют свою пустоту,  
Мы из дома уйдём в зазеркалье, по жалам пожаров  
Добежим до реки и застынем на нашем мосту.

## ВЕЧЕРНЕЕ

Быть может, настала пора  
Влюбиться в тебя, ё-моё,  
И грезить тобой до утра,  
Точней – до утрат точек с «Ё»...  
А чо – неприкольнo? Отстой?!  
Голимый по ходу расклад?  
Кому это нужно?!  
– Постой,  
А пара рулонов рулад,  
Которые я сочиню,  
Чтоб душу твою охмурить –  
Блестящих, подобных огню,  
Что в горних софитах горить?!  
А трепетный – сызнава – вздрюк,  
Который вставляет зело,  
А счастья изысканный крюк?!  
Ведь это моё ремесло!  
Ужели тебе – положить  
Ваше на волшебную страсть?  
Подумай, ведь время бежить,  
Линяет козырная масть.

## БЕЗ МАТА

Познакомившись с девушкой тонкой, но злой,  
Я мечтал о таинственной встрече в ночи –  
Как её раскурочу я бензопилой,  
Как её реставрировать будут врачи...  
Но случилось иначе, свершилось не так,  
Как мечталось в ночи в ритме левой руки!  
И она водрузила меня на верстак,  
И вонзила мне в тело стальные крюки.  
На короткой цепи в подземелье теперь,  
На голодном пайке, на цементном полу,  
Я живу одинокий, как праведный зверь,  
Но, скорей чем хулу, я воздам ей хвалу.  
Слишком много я сладкого зелья скурил,  
Слишком много я выпил в охотку вина,  
Слишком радостно я в эмпиреях парил,  
В общем, пауза всяко была мне нужна.  
Не грущу я: пройдёт... ну полгода... ну год,  
И разыщут меня, и из плена спасут –  
Ведь поэтов действительно любит народ,  
А девица? Ну что – однозначно под суд.  
Незаконно лишила свободы?! Статья.  
Поврежденья телесные, тяжкие? Срок.  
Адвокатом её на суде стану я,

Сам себе преподам всепрощенья урок.  
Мои мысли чисты, справедливы, светлы –  
Я являю собой благородство ума,  
И под нежное лезвие бензопилы  
В результате та девушка ляжет сама, –  
Если даже отсутствуют совесть и честь –  
Нелогичность добра провоцирует страх...  
Я прощу ей всё зло, а зубчатая жесьть  
Обеспечит ей место в нездешних мирах.

## КРУГОВОРОТ

Сомнителен теней круговорот,  
Где каждый, рот разинув, смотрит вверх...  
Но если ближний твой почти урод,  
То значит ли, что ты не человек?  
Мой голос тих, строка моя слабей,  
Чем нити тень, чем поцелуй любви.  
Униженный, воспрял я средь скорбей  
Под вывеской железной «Не убий!»  
Я на листе живу, как на песке,  
И строю город из картавых строк,  
И теплится глухая кровь в виске,  
Пока клинок, пронзив, не даст ей сток.

Зачем, смеясь, любитесь толпа  
Хитросплетеньем выцветших теней?  
Зачем моя проворная тропа,  
Затерянная, пролегает в ней?  
Я, наизнанку вывернув испуг,  
У пропасти молчу, застыв над ней,  
И две ладони узких женских рук  
Двух гибелей, зажатых в них, страшней.  
Восторженность моя здесь ни при чём –  
Винючен я без горечи вины,  
И если обернуться – за плечом  
Ладонь одна и тень одна видны.  
Смеяться если – то на полный вздох,  
Черствеет речь, как хлеб на сквозняке...  
Под вывеской железной «Чтоб я сдох» –  
Живу одним клинком в твоей руке.

## ДЕСЯТЬ МИНУТ

Через десять минут мы покинем твой дом.  
Постреляй из ружья на досуге в мишень.  
Например, в безупречно надутый кондом  
иль в кондом, но надетый на крупный жень-шень.  
Так приходит с работы усталый палач.  
Моет липкий топор и рукой мясника

под пронзительный детский уродливый плач  
достаёт трупика из сырого мешка.  
Так достал я из сумки коньяк – так допьём  
эту смрадную жидкость с названием «коньяк».  
Никого не побьём, никого не убьём.  
Все мы – киллеры здесь. Но никто не маньяк.

## ЗИМА

Вдоль российских полей продвигается дева нагая.  
Эта дева – зима. И в руках у нее колотун  
Из морёного дуба. О бедра же бьется тугая  
Снегом полная сумка, а в сумке – зевает колдун.  
Это юноша, узкий в плечах, аравийского типа,  
Но вощёное тело его не скрывает гниющая шерсть,  
Лишь из голени тянется мертворождённая липа,  
Да злодейски сияют не два узких глаза, а шесть.  
К Рождеству злая ель в деревенских хоробах прогоркших  
Под когтистой лапою держит в плену старика  
В бороде, красной шубе, с мешком, где подарков на грошик,  
И Снегурочка рядом, и посох сжимает рука.  
Это лживые куклы, а ель – непонятное древо,  
Ведь в российской ночи уж дубовый стучит колотун,  
А над полем вращается холоднокровная дева,  
А из сумки, зевая, глядит шестиглазый колдун.

## МИРАЖ

Мы знакомы с тобой много дней, но немного часов –  
Ты похожа на сон – сон, в котором пылает пожар;  
Ты похожа на дом – дом, который закрыт на засов,  
И на суку, чей вид, несмотря на всю прелесть, поджар.  
Осторожной рукой я беру тебя нежно за грудь,  
Я пытаюсь познать твою суть, твою сущность – тебя.  
И я вижу, что ты тяжела и опасна, как ртуть,  
Что ты катишься вниз, свою жизнь безвозвратно губя.  
Нам осталось всего – ничего в петербургской зиме,  
В темном мареве, где гололедица цепко царит –  
Я пока ещё жив и ещё пока в здравом уме,  
Только мордой лица – словно хрен волосатый – небрит.  
Посмотри же внимательно вглубь занесённых дворов,  
Чтоб увидеть следы на снегу, уводящие нас,  
Шаг за шагом в пространство иных занесённых миров,  
Где мираж нашей жизни погаснет... точнее – погас.

## ЗВЁЗДЫ Э... СТРАДЫ

Огурец – прирожденный эстрадный певец,  
Круче перцев из «Фабрики звёзд» –  
И когда он поёт – это мега-звездец,  
Супер-пупер-оттяг в полный рост!

Все морковки, балдея, пускают ростки,  
Земляника усами вертит –  
А картофель – в экстазе таращит глазки...  
Сельдерей же – напротив, сердит:  
«Ноль-ноль-пять децибел! Ишь распелся, debil!  
Не даёт, блин, спокойно поспать!  
Эх, будь я человеком – убил бы. Убил!  
Засолил бы и съел, твою мать».  
Человек же проходит – не слыша ничё,  
Ибо ухом – увы – туговат...  
«Огурец! Огурец! жги, давай же, ещё!» –  
Воскликает в отпаде томат...

## АССОЛЬ

Грин. Парусина алая  
реет в твоём порту.  
Сливою небывалою  
ты поднесешь ко рту  
эту хмельную патоку  
гриновских повестей.  
Видишь на небе радугу –  
ждут небеса гостей!  
Гостья, Ассоль стручковая,  
где твой красавчик Грэй?

Девочка местечковая,  
ножки себе побрей!  
Выброси всю романтику  
на хер из головы!  
Вдень в волосню по бантику  
и засмоли травы.  
И отправляйся весело  
на близлежащий пляж,  
Что же ты нос повесила?  
Грэй – это так – мираж.  
Там лежаки двуспальные.  
Там матерьяльных баб  
ждут мужики реальные.  
Грин, как писатель, слаб.

## В ВАГОНЕ

В вагоне, вонючем, как тухлые яйца,  
Сидели и спали сто пять человек.  
Кондуктор ловил безбилетного зайца,  
А сам между делом жевал чебурек.  
Какая-то пьяная тощая краля,  
Внезапно проснувшись, вопила: «Менты!  
Спасите, спасите, меня обокрали,  
Карманы и все чемоданы пусты».

Угрюмый крестьянин храпел и сквозь зубы  
Дурные слова изо рта вытеснял.  
Во сне бормотал мой сокресельник: «Зюбы,  
Китайские зюбы я на ночь не снял».  
Двенадцать узбеков, взобравшись на полку,  
Бурлили котлами своих животов.  
Катился вагон из дубровки в поповку,  
Не оставляя на рельсах следов.

## СВОБОДНЫЙ ПОЛЁТ

Мы можем налить тебе – если зайдёшь –  
и водки, и браги хмельной...  
Но – тут – будь готов – чей-то храп и галдёж,  
у нас здесь всю жизнь выходной...  
«Работа» – мы знали такие слова –  
но – в детстве, довольно давно,  
у нас просветлилась слегка голова,  
и мы прорубили: говно!  
Говно вся работа! Работник есть раб!  
А мы – не рабы – господа!  
Покуда на свете достаточно баб,  
травы и бухла – никогда!  
Должно быть, в далёкой Америке, бля,  
ты, брат, на голодном пайке,

а это, конечно, маздай и фуфля  
от русских берёз вдалеке.  
Здесь можно хоть выпить берёзовый сок,  
коль бабы бабла не дают,  
а можно отъесть мухомора кусок...  
И всё – обеспечен уют!  
Уют и спокойствие, вольный полёт  
«к незримым в потёмках мирам»...  
И нам сладкозвучная лира поёт:  
«Та-рам-та-ра-рам, па-ра-рам».

## РОМАНС

Гляди – за околицей тянется табор.  
Дорожная стонет струна.  
Испей же до дна мой последний сентябрь –  
Всю горькую чашу до дна.  
К сетям бы привыкнуть – любви твоей ради,  
Да кровь разрывает висок.  
Ищу в сентябрях, словно вечный старатель,  
Свой золотиносный песок.  
Затянут ли в землю отцовскую перстни  
Спокойную руку твою?..  
Я ждать тебя буду в безудержной песне,  
В безродном цыганском краю.

Коль в полночь тревожную из дому выйдешь –  
И ляжет дорога у ног,  
И спящим со степью-цыганкой увидишь,  
То знай, что на ложе – клинок.

## ВСЕХ, КТО ЗНАЛ МЕНЯ

Всех, кто знал меня и помнит наши радостные встречи,  
Кто, страдая ностальгией, пьёт мучительное зелье,  
Кто не может спать ночами, – обнимаю тех за плечи  
И спешу напомнить: «Скоро к вам, друзья, придет похмелье:  
Отходяняк такой неслабый, что настанут в теле ломки,  
А в мозгу роиться будут мысли гадостного свойства.  
Ждут вас скрюльки и оскретки... словом, всякие обломки.  
Но не это вызывает к жизни призрак беспокойства.  
Огорчительно другое – в схемах наших отношений  
Есть досадные чуланы и обидные, ловушки...  
Есть капканы для печали и силки для сожалений,  
А волшебный воздух портят лишь поганные гнилушки –  
Те, что тлением тлетворным, освещая суть пространства,  
Всё рисуют в гиблом свете бесконечных повторений,  
Открывая перспективу для мучительного пьянства,  
Ежедневного похмелья и холодных озарений.

## МИЛО!

Мне Люба Лебедева любя  
была по жизни год тому,  
крепка, румяна, белозуба,  
и гардеробчик по уму –  
чулки с подвязками, в цвяточек –  
и мини-юбка, и шузы,  
и скромный синенький платочек,  
и свитер цвета бирюзы;  
О, этот взгляд невинно-блядский,  
губ театральное «хи-хи»...  
и юмор – девственно-солдатский,  
и суматошные стихи...  
Всё было мило... мило... мило.  
Но год прошёл – и всё прошло...  
Цвети, любви моей могила,  
во склепе памяти – светло.

## ХОРОШАЯ

Не стоит мне рассказывать о том, что ты хорошая,  
Смотреть глазами грустными и песни петь влюблённые.  
Зима швыряет в форточки воды замёрзшей крошево,  
А шторы в нашей комнате смешные, запылённые.

Вот ты сидишь на краешке кушеточки обшарпанной,  
Носочки вяжешь тёплые и шапки несуразные,  
Скрипит твой голос, милая, как старый стул расшатанный,  
И я почти не слушаю слова твои бессвязные.  
Ко мне пришла ты осенью попить чайку индийского,  
Покушать хлеба с маслом, с колбаскою копчёною.  
Была ты нрава кроткого, исконного, российского,  
Прикинулась невинною – хотя была матроною,  
А я – простак неопытный, неискушённый юноша –  
Тебе поверил запросто шальной душой мечтающей.  
В капкан твой, многих сцапавший, себя частично всунувши,  
Попал со страшной силою – ведь ты шалава та ещё!  
Вверни подслеповатые глазёнки в жизнь минувшую –  
Сколь за спиною сгорбленной тобою покалеченных?  
И лошади не справиться с такой тяжёлой ношею  
Измученных, опущенных, болезненных, изувеченных.  
Но вскорости придёт весна – снега растают глыбкие,  
Я распахну окошечко, отдёрнув штору тёмную,  
Оставлю на прощание свои стихи, улыбки и –  
Тебя с твоею ношею, – как тушу неподъёмную.

## МЕТЕМПСИХОЗ

Нет покойных, нет живых в вечности, дружок!  
На культурах дрожжевых скушай пирожок.

Малость огненной кирни, яшень-пень – воды.  
И Господь тебя храни (сложно ж без еды).  
Размышляй о сём-о-том приподнявшись над,  
иль родишься в мир скотом ты в обратный зад.  
Ну скотом – туда-сюда: каждый третий скот.  
И живёт себе – о, да! Он наоборот...  
А родишься пауком – сраконожкой, тлэй?!  
Будешь жить за сундуком, в прахе, под землёй!  
Посему не городи миленькую чушь!  
И с отъездом погоди в мир бесплотных душ.

## ЛЮБОВЬ

Зубами длинными сверкая,  
Бредёт любовь тропинкой узкой.  
Она хромая и слепая –  
И потому зовётся русской.  
В одной руке сжимая клюку,  
В другой – пеньковую удавку,  
Босой плюсною давит клюкву,  
Цветочки хилые да травку.  
И коль повеет русским духом  
В глухих чащобах и низинах –  
Тотчас она укроет пухом  
Ловушки на своих тропинах.

Силки расставит и капканы  
И, притворившись безобидной,  
Развеет ложные туманы  
С кривой улыбкою бесстыдной.

## МОСКВИЧКА

Московского неба фальшивый алмаз  
Не дался мне в руки – кричи не кричи.  
Но я полюбил, словно девушку, – Вас,  
А Вы – лишь зола из остывшей печи.  
В трубе вы звените, и мне невдомек,  
Что были осинкою Вы иль сосной,  
А после, увы, превратились в дымок,  
Да в горстку золы за заслонкой печной.  
Но прежде, чем сделаться горкой золы, –  
Вы неба слегка затуманили страз,  
И с башен кремлёвских сорвались орлы,  
И сгнули, дымкой прикрытые, с глаз.  
Фальшивый алмаз не продать, не украсть,  
А в доме – какие в печи калачи? –  
Затихни, замолкни, безумная страсть!  
Ведь Вы – лишь зола из остывшей печи.

## ИЗ ПРОВИНЦИИ – ДРУГУ

Я ныне сумрачен, но завтра буду весел –  
Апрель теплее здесь, чем петербургский май.  
Легко лежать в игольчатом просторе кресел,  
Вбирая радостный, благословенный край.  
Здесь девы дивные, куда до них столичным –  
Не в меру чопорным, медлительным, сухим.  
Под стройною сосной, как под ключом скрипичным,  
Здесь пенье птиц доступно и глухим.  
Бесчинствуя, ветра здесь по ночам не воют.  
Крестьянская рука уверена в труде!  
Вглядишь в зеркало рек, озер, прудов – везде  
Вода прозрачная, и не сравнишь с Невойю.  
Пришедшему сюда – вниманье и почёт,  
Но столько суеты вокруг него творится,  
Что Бог с ней, красотой, – он, верно, предпочтёт  
Изысканную холодность столицы.

## КЛАД

– Я скоро вернусь – я приеду туда,  
где воздух прозрачень и светель –  
Ищи себя там, где возможна беда,  
где бубен срывается с петель,  
Где я – это ты в опрокинутом сне,  
где зеркало корчит всезнайку,  
Где дятл в ипостаси иной на стене  
заплаканной вдет в контргайку.  
– Учитель, но смысл относительно пуст  
в словах твоих, каверзный сука?!  
– Конечно, ведь я не учитель, а пупс!  
Наука моя – лженаука!  
Но, дитяtko, помни, в науке моей  
сокрыты несметные клады,  
Цехины и яхонты чистых кровей  
и неотвратимые яды.